

Моск. Комсомолец. — 1998, — Февр., с. 2.

ИГРА В ДУРАКОВ

Ищу его квартиру, держа в руках конверт с обратным адресом. В конверте короткое, отпечатанное на машинке письмо. Касательно "Площади звезд" перед концертным залом "Россия". Письмо написал нам в редакцию сам Никита Богословский.

Не сомневаюсь, что всем известен этот человек, который значится в энциклопедиях как "выдающийся советский композитор". Никита Богословский — это "Темная ночь", это "Любимый город". А еще на его счету немислимое количество жертв, пострадавших от собственной наивности. Кого только не оставлял в дураках маэстро Богословский. Его мастерство вошло в легенду.

Меня встречает энергичная молодая женщина и сразу куда-то исчезает.

— Никита Владимирович, давайте начнем с вашего письма.

— Мне стало обидно за моих покойных коллег — они забыты. Это были мои друзья, основатели так называемой советской песни. Соловьев-Седой, к примеру, композитор в этом жанре великий. Дунаевский, Фрадкин, Френкель, Мокроусов. Да много кто.

Многие люди, чьи имена выбиты на этих плитах, всем обаяны им. Они не были бы артистами даже. Где-нибудь в кабаках бы пели. Они прославились благодаря тем покойным композиторам. Кстати, это относится и к поэтам — тот же Долматовский, Лебедев-Кумач, Матусовский.

— И что вы предлагаете?

— Я просто хочу, чтоб эта комиссия, кто их там выбирает, прикинула, кого из покойных коллег надо запечатлеть. Живущих не нужно трогать. В этом есть элемент нескромности. Да и потом плита с фамилией подсознательно ассоциируется с надгробием. Что, кажется, мало волнует запечатленных там живых артистов.

— Вас беспокоит, что забыты ваши коллеги. Но вас тоже давно не видно, не слышно. Чем вы сейчас занимаетесь?

— В последние годы я решил найти новые жанры, которых до сих пор не существовало в мировой музыке. Например, в театре у Покровского шли две мои оперы без пения.

— Как это опера — и без пения?

— Все принципы оперы, но артисты не пели, а говорили на фоне симфонической музыки. Другой мой эксперимент — струнный квартет. Он состоит из трех музыкальных скетчей. Инструменты звучат так, что становится абсолютно ясно, о чем идет речь. Например, влюбленные разговаривают по телефону. Сначала нежно воркуют, потом спорятся. Он перезванивает, не туда попадает, виолончель его обкладывает. И в таком духе.

Уже два года я работаю над одноактной оперой "Приемный день у начальника". Все посетители — музыкальные инструменты. Приходит гобой и с восточной интонацией пытается дать взятку, туба просит квартиру и, чтоб разжалобить, привела внучку — пикколо флейту. Почему я так долго с этим возжусь? Я совершенно не знаю, как бы поэффектнее ее закончить.

— Неужели вы больше не пишете песен?

— Почему же? Немножко пишу. Мне очень повезло — вы это обязательно напишите — шесть лет назад на дне рождения у одного композитора я увидел очень интересную даму. Она сыграла два своих романса, совершенно очаровательных. Потом я опять ее встретил на каком-то вечере. Короче, вот уже пять лет, как я на ней женат. Тогда мне было восемьдесят. Ее-то вы и видели, когда пришли.

— Понятно. Действительно повезло. Но при чем тут ваши песни?

— Жена моя, Алла, тоже композитор. Она к тому времени была уже довольно известна, но под фамилией Сивашова. А став Богословской, начала нервничать. Испугалась, что растворится в лучах моей славы. И однажды я брякнул сдуру: "Ну давай тогда вместе что-нибудь напишем". Вы б ее видели! Бросила все хозяйство, кастрюли, утюги. За вечер мы написали довольно милую песню, дня три она делала партитуру. Теперь уже нервничал я, так как очень хотелось есть. Потом песню эту "Свет любви" спел Кобзон в "Песне года". Кстати, стихи написал мой сын, литератор.

С Кобзоном Никита Владимирович

нынче в споре. Об этом Алла мне очень эмоционально поведала на кухне. "Понимаете, Кобзон не пришел на авторский вечер Богословского. Его все ждали, а он даже не предупредил. За кулисами творилось черт-те что. Ну не успеваешь ты приехать — так хоть позвони, у тебя ж в каждом кармане по мобильному. Никита вернулся и тут же наговорил ему на автоответчик от всей души все, что думает. И запретил исполнять свои песни. Но Кобзон их все равно продолжал всюду петь. И даже не извинился..."

— Ваши литературные заметки в свое время вся Москва цитировала, вы слышите человеком с тонким чувством юмора...

— Это вы про "Заметки на полях шляпы"? Ведь у меня вышло семь книг. Два сатирических романа: один — про композиторов, второй — про кинематографистов. Но тут произошла довольно неловкая штука: как я ни старался заигрывать героев, все равно всех узнали. И некоторые просто перестали со мной здороваться или кивают очень холодно.

— И кто, например?

— Это секрет. Таким образом я бы публично раскрыл изображенных лиц. Еще одну книгу готовлю — "Что было и чего не было". Довольно веселую, потому что у меня в жизни была масса курьезов, я был знаком с массой знаменитых и умных людей, начиная от Михал Михалыча Зошенко и Утесова.

— Да-да-да, слышана. А как вы познакомились с тем же Зошенко или с Утесовым?

— Я был мальчишкой, учился в Ленинграде, целыми классами нас водили в театр. Однажды рядом со мной сидела очень вертлявая худенькая девочка. Очень мешала смотреть, но мы познакомились, и она с детской непосредственностью тут же пригласила меня на свой день рождения.

Я любил ходить на такие дни рождения. К слову, на одном из них была забавная вещь. Я пришел к Алику Менашеру, он был мой ровесник... Все дети расшалились, бегали, и я задел огромную фарфоровую вазу. Она грохнулась и на мелкие части разбилась. Я заплакал и говорю отцу Алика: "Простите, дядя Сеня, я разбил вашу красивую новую вазу". Он через силу улыбнулся и сказал: "Не плачь, мой дорогой. Не такая уж она и новая. Ей двести лет".

Ну вот об Утесове. Я не нашел, что подарить, и принес абсолютно безграмотный, жалкий вальсок, который сам написал и назвал именем этой девочки. Напомните, я потом до-расскажу историю этого вальса...

Когда виновница торжества сказала, что мы будем отмечать вместе со взрослыми, все заняли. Но она уговорила — там же будут дядя Миша Зошенко, дядя Исаак Бабель, разные артисты, даже дедушка Давыдов, который еще при царе был заслуженным артистом императорских театров. А еще дядя Володя Маяковский — вот!

— Ого! Надеюсь, они не испортили вам праздник?

— В общем все было не так плохо, как я думал, довольно ничего. На дяде Володе Горовице и дяде Володе Софроницком все катилось верхом и устраивали конные сражения. Но когда появился хозяин дома, мы перестали с кем бы то ни было общаться и смотрели только на него. Он показывал фокусы, стоял на голове, играл на саксофоне, на скрипке, на роляе, рассказывал анекдоты. Что там бог в трех лицах! Он был в сорока лицах — дядя Леда Утесов. Потом я его так и называл — дядя Леда. Между прочим, те, кто его называл Леня или Леня, все были вруны. Никто из близких его так не звал. Вме-

сто "н" всегда было "д". Потом я начал звать его Леда, на "вы". Потом — Леонид Осипович, а потом мы с ним на брудершafft выпили, и я стал говорить ему "ты".

Кстати, незадолго до его смерти я его спросил: "Скажи, что для тебя было бы самым удивительным, нереальным в искусстве?". Он говорит: "Самым нереальным был бы концерт блатной музыки в престижном московском зале". Он был плохим пророком!

— В свое время вы написали нашумевшую разгромную статью про "Битлз"...

— Да, это был один из весьма редких случаев, когда я просто постыдно ошибся. Мне "Литературка" подкинула переводной материал, где было рассказано, что "Битлз" вышли на улицу с плакатом "Долой Бетховена!". Я очень обиделся за Бетховена. И написал обидную вещь в отношении "Битлз" — в переводе "Жуков". Мол, они, "Жуки", скоро исчезнут, а Бетховен останется. И все в таких саркастических тонах. Но "Битлз" остались, а я их вообще полюбил.

— То есть когда вы писали, вы их музыки и не слышали?

— Ни одной ноты. Этого жанра у нас вообще не было. Потом я уже был осторожнее. Писал только после того, как послушаю.

Хотя я вам честно скажу, я до сих пор считаю, что международное класса рок- и поп-групп у нас нет ни одной вообще. А из исполнителей — ну, Пугачева в молодости. Прекрасный голос у Ларисы Долиной, наверное, еще кого-то можно найти. Но репертуарчик! Послушаешь и вспомнишь еще раз Высоцкого: "Нет, ребята, все не так!"

— А нет желания найти молодого исполнителя "под себя"? Ведь сейчас спрос на такую стилистику огромный. Все перепадает то, что было написано раньше.

— Видите ли, я не умею этого делать. Конечно, я мог бы за две недели этой технике быстренько научиться, но зачем?

— Нет, я имею в виду — продолжать именно свою линию.

— Да бог с вами — как же их искать, этих исполнителей, когда они все тянутся к музыке другого порядка. Тут нужен человек с опытом, который знает и любит такие песни. А то что же, я найду молодого певца и буду ему все свое показывать? Творческий отчет устраивать? Нет, захотят — сами найдут.

В комнате появляется Алла. В руках поднос, на подносе — кофе и печенье. "Богословский велел вас напоить".

— К этой даме у вас вопросов нет? Может, она вам скажет что-нибудь плохое про меня.

— Алла, есть на что пожаловаться? Может, у Никиты Владимировича характер тяжелый или, может, он деспот?

— Конечно, деспот. Эгоист. Характер ужасный. Не терпит никаких возражений, чуть ли не дерется. Правда, правда! Но я, как могу, обламываю, конечно.

— Я столько хороших вещей про тебя наговорил, а ты на меня поклеп наводишь.

— Так расскажите вашу версию своей семейной жизни.

— На самом деле характер у меня золотой. И семейная жизнь прекрасная, хотя мы и ссоримся иногда. Она — невероятная аккуратистка, вылизывает квартиру просто неслыханно. Отлично водит машину. У нас был шофер, она его прогнала и теперь ездит сама. Она удивляет меня тем, что какие-то мои маленькие пожелания, которые я немедленно забываю, запоминает и всегда выполняет. Обывательских скандалов у нас не бывает. Только на творческой почве.

— Спорите, кто первый за роляе сегодня съедет?

— Нет, с этим мы приспособились. А вообще ленинградская композиторская школа такова, что все мы без роляе пишем. Мы пишем за столом. Только сложные аккорды и комбинации проверяем за инструментом.

— У меня к вам просьба — в народе гуляет много байк с вашим участием. Я хочу, чтобы вы подтвердили их достоверность. Или наоборот.

— Про меня огромное количество апокрифов. Говорите, я скажу честно — было или не было.

— Что вы опечатали чью-то квартиру, и хозяин потом неделю скрывался по знакомым.

— Это главное вранье! Это сделал покойный Юрий Олеша со своим приятелем Веней Рискиным. Опечатали квартиру Владимира Яковлевича Хенкина, артиста Театра сатиры. Я к этому никакого отношения не имею. И еще не имею отношения к тому, что какого-то пьяного бомжа отравили в Киев. И что Сергея Михалкова подначил писать гимн Православной церкви — не моя работа.

— А про Михалкова я ничего не слышала. Это что за история?

— Рассказывают, что кто-то позвонил Михалкову: "С вами говорят из патриархии, патриарх просит вас написать гимн Православной церкви". А это еще при Сталине было. Он отвечает: "Неудобно, я же Государственный гимн писал". Но когда назвали сумму, он сказал: пожалуйста, я попробую. За ним приехали, привезли во двор где-то в центре города. И говорят: подождите минуточку, сейчас патриарх вас примет. Когда он вошел, то оказался в кабинете в "Арагии", где уже ждала вся компания. Просто его с черного хода завели, и он не узнал местность. Его встретили дружным весельем. Ему было крайне неловко.

— А история с пижамой после вашей ссоры с Фрадкинским?

— Да, был такой эпизод. Действительно, мы были в споре. А драматург Морис Слободской решил нас примирить. Но мы с Марком помирились своими силами, а Морис об этом не знал. Он приехал в гости к Фрадкину, а там его поджидал я, в пижаме. Открыл дверь и говорю: "Ты чего приехал без звонка?" Он опешил и мямлит: "А где Марк?" Я возмущаюсь: "При чем здесь Марк! Ты б к нему и ехал". Надо было видеть его лицо.

Но суть в том, что я разыгрываю только друзей, только с чувством юмора и никогда — женщин.

— Почему такая дискриминация?

— Пиетет, уважение, галантность, если хотите.

— Вы говорите — с чувством юмора, а мне рассказывали, что какого-то доктора из-за вас кошергой по голове ударили.

— Не было. Это деформированная история о Шостаковиче, случившаяся еще до войны. По-моему, Соловьев-Седой с Держинским это устроили. Позвонили одновременно в "Скорую помощь" и в милицию. В милицию они сообщили, что под видом "Скорой помощи" к Шостаковичу должны прийти бандиты. Был целый скандал, я уже не помню деталей.

— Почему вам приписывают чужие похождения, как вы сами считаете?

— В "Литгазете" как-то было написано: "Если вы хотите, чтобы какая-то история приобрела достоверность, припишите ее Бернарду Шоу или Никите Богословскому". Я был очень польщен, конечно. Для меня это дополнительная форма отдыха, мои розыгрыши обязательно несут элемент драматургии. Мне доставляло гигантское удовольствие, когда все раскрывалось и разыгрываемый весело смеялся вместе со мной. А обид не было. Или люди скрывали обиду. Оставаясь в дураках, никто не хотел это показывать.

— Неужели никто не пытался отыграть и надуть вас?

— За всю мою жизнь было два случая, когда меня купили.

Пришел ко мне покойный Марк Фрадкин, утром вернувшийся из Ленинграда. Рассказал новости, я проводил его до машины. Через пять минут звонит. Я спрашиваю: "Что случилось, ты откуда?" Он говорит: "Из Ленинграда". Я ему: "Ты что дурака валяешь?" А он: "Давай на ящик коньяка. Позвони Соловьеву-Седому, сам убедись". Я набираю седовский телефон в Ленинграде. Вася подтверждает, что Марк у него. Потом подходит Марк, у нас происходит разговор. Я в полном недоумении спрашиваю: "А Рая (жена) с тобой?" Подходит Рая, мы беседуем. Я готов поверить, что сошел с ума... С утра опять

звонит Марк, я спрашиваю: "Ты еще в Ленинграде?" Он: "Почему? Я в Москве!" Оказывается, что эти паразиты сделали. Они записали на магнитофон примерные ответы на мои вопросы. И по невероятному совпадению у них все получилось. Правда, Марк мне об этом рассказал тут же, чтобы я умом не тронулся.

— А второй раз?

— Я писал музыку для спектакля по пьесе Исидора Штока, известного драматурга. И сочинил письмо Штоку от имени некоего гражданина. Мол, уважаемый Шток, это невероятно, но имя, отчество и фамилия вашего героя-негодяя абсолютно совпали с моими. Я вас очень прошу изменить это имя. Получаю ответ на подставное лицо — длинное извинение и обещание все исправить. Я рассказываю о своем шикарном розыгрыше друзьям, но на меня как-то странно смотрят. И один расколосил: а ты прочитай первые буквы в каждой строчке. Я мало приятного о себе прочел, я был в полном дерьме. Оказывается, на конверте я автоматическим образом написал свой обратный адрес. И попался из-за собственной рассеянности.

— Судя по вашему браку, вы пользуетесь успехом у женщин. Я права?

— Знаете, я должен сказать — я женат третий раз. И я считаю, что мужчина — если он порядочный человек — не должен про свои интимные дела вообще никому рассказывать. Даже близким друзьям. А когда начинают болтать, да еще врут, да еще фамилии называют — это недостойно мужика. Естественно, я не был монахом, но детали, фамилии и имена — это касается только меня. Да и Алка ренунет, не любит эти разговоры.

— Вы были вхожи в дома руководителей государства, вы с ними общались?

— Меня очень не любил Сталин. Если бы он прожил еще полгода, я бы был в дальних местах. Когда вышло знаменитое постановление ЦК о второй серии "Большой жизни", там ругали картину и было написано, что в фильм введены песни, проникнутые кабацкой меланхолией и чуждые советским людям. А песни были такие — "Спят курганы темные" и "Три года ты мне снилась". Картину запретили, а песни продолжали исполняться. И никто не знал, что это песни из фильма. И мне ничего за это дело не было. Как-то мимо прошел карающий меч, за исключением того, что меня шесть лет в кино не звали.

— Так почему вас Сталин-то не любил?

— Мне рассказал Кузнецов, который тогда был помощником у Жданова и присутствовал на том заседании ЦК. Жданов предложил назвать песни вертинскими. А Сталин сказал, зачем? Вертинского только на Родину пустили, он человек пожилой. Богословский молодой? — вот он и потерпит. Потом я Вертинскому, с которым был приятелем, говорил: "Саш, видишь, я тебя спас своим возрастом".

— А Брежнев, Хрущев? Они-то небось любили советские песни?

— Понимаете, меня никогда не звали ни на какие правительственные концерты. Может, боялись, что я что-то яплю или придумаю. Когда-то был один тип в ЦК по фамилии Александров, он ведал пропагандой и агитацией и был редактором газеты "Культура и жизнь". Ему доносили, что я назвал эту газету "Александровский централ" — такая знаменитая тюрьма была до революции. Гораздо позже он мне сообщил, что лично несколько раз вычеркивал мою фамилию из Сталинских премий. Кстати, вы курите?

— Курю.

— Ну так что ж вы не закуриваете?

Окидываю взглядом музейного вида комнату с уникальной коллекцией живописи: "Нет, что вы. Зачем же я буду здесь дымить. Я потерплю".

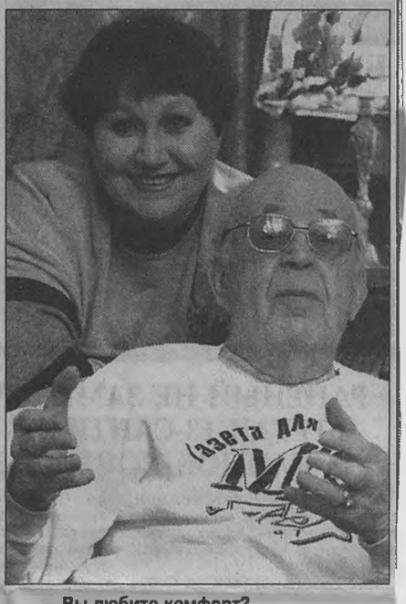
— Нет, уж вы закуривайте. Не стесняйтесь.

Я достаю пачку и тут же улавливаю ход его мысли.

— Можно я у вас сигаретку позаимствую? — спрашивает. Мы курим, обсуждаем наши табачные пристрастия, и вдруг он замолкает на полуслове. В дверях стоит Алла. Немая сцена. Чувствую, как рука маэстро с зажженной сигаретой плавно скрывается за моей спиной. Глупо улыбаясь, за полною паузу не менее глупым вопросом: — Когда вы написали свою первую мелодию?

— Лет десять, наверное, назад, — отвечает он и не моргая смотрит на меня смеющимися глазами.

— Первое звание у меня было, когда мне стукнуло 56. А потом что-то подобрали, и я уж лет десять как народный СССР, которого меня лишит уже не могут, потому что некому. Да и какое это значение имеет? Раньше это имело значение — потому что полагались вагоны СВ и номера-люкс в гостиницах.

— Вы любите комфорт?

— Очень люблю. Причем никаких мечтаний о гиперболизации этого комфорта у меня нет. Я довольствуюсь тем комфортом, который создаю сам, если имею на это возможности.

— Вы обещали рассказать историю про вальс.

— Он называется "Дита". В честь дочери Утесова. Партитура хранилась у них. И, к моему позору, этот вальс был публично и без предупреждения сыгран через 60 лет в ЦДРИ на юбилее Утесова. Я думаю: "Что такое? Что-то знакомое, но совсем малограмотное". Когда сказали, что автор в зале, это был ужас.

— Что вы считаете самым неприятным в вашей нынешней жизни?

— Мне не хватает артистов, которые могли бы исполнять те песни, которые я мог бы написать.

— А чего вы сам себе желаете?

— Чтоб все было так, как есть. У меня есть один афоризм: старость — это единственная возможность прожить долго. В общем, я чувствую себя моложе своего возраста. И ни на что не жалуюсь.

Кстати, я искал что-то в своей библиотеке и нашел книжку, которую мне подарил Зошенко. Тут его надпись, я ее обнаружил совсем недавно. "О мои грустные опыты. Зачем я захотел все знать? Вот теперь я у мру так споконно, как надеялся".

— Здорово!

— Да, здорово. И печально.

Меня провожают всей семьей. Хозяин галантен до невозможности. Уже на пороге спрашиваю Аллу: "Скажите, а как он вас охмурил?" — "Очень просто. Он подошел ко мне на вечер и пригласил в гости. Представьте! Вас приглашает в гости сам Богословский! Я рот разинула и выпалила только: "Я согласна, а когда?" Тут уже рот разинул он".

Катя ПЕТРИНИК.
Фото Сергея ТЕРИНА.